

СЕМЬ БЕД И ЗМЕИНЫЙ ЗАВЕТ

Книга 1

18+

Дарья
АКУЛОВА

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Семь бед

Дарья Акулова

Семь бед и змеиный завет. Книга 1

«Теория невероятности»

2026

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Акулова Д.

Семь бед и змеиный завет. Книга 1 / Д. Акулова — «Теория невероятности», 2026 — (Семь бед)

ISBN 978-5-907962-63-7

Инжу точно знает, как сложится её жизнь: она станет шаманкой и выйдет замуж за друга детства Айдара. По-другому и быть не может. Однако у судьбы на неё другие планы. В день Посвящения Дух вместо неё благословляет Айдара – что неслыханно, ведь шаманами становятся лишь женщины. Она не только лишается сил и друга, но и теперь слывёт проклятой. А после укуса белой змеи начинает покрываться чешуёй. Инжу решает пересечь всё Казахское ханство, чтобы подняться на самую высокую гору, – просить Духов об ответах и милости. Путь ей преграждают Великая Степь, безжалостная нечисть и страх того, в кого она превращается. Сможет ли она вернуться домой прежней или навсегда станет иной?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907962-63-7

© Акулова Д., 2026

© Теория невероятности, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Отвергнутая	8
Глава 2. Саукеле	14
Глава 3. Сбежавшая ночь	18
Глава 4. Две звезды	24
Глава 5. Кровь и медь	31
Глава 6. Волк и лебеди	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Акулова
Семь бед и змеиный завет. Книга 1

Книга 1
СЕМЬ БЕД И ЗМЕИНЫЙ ЗАВЕТ

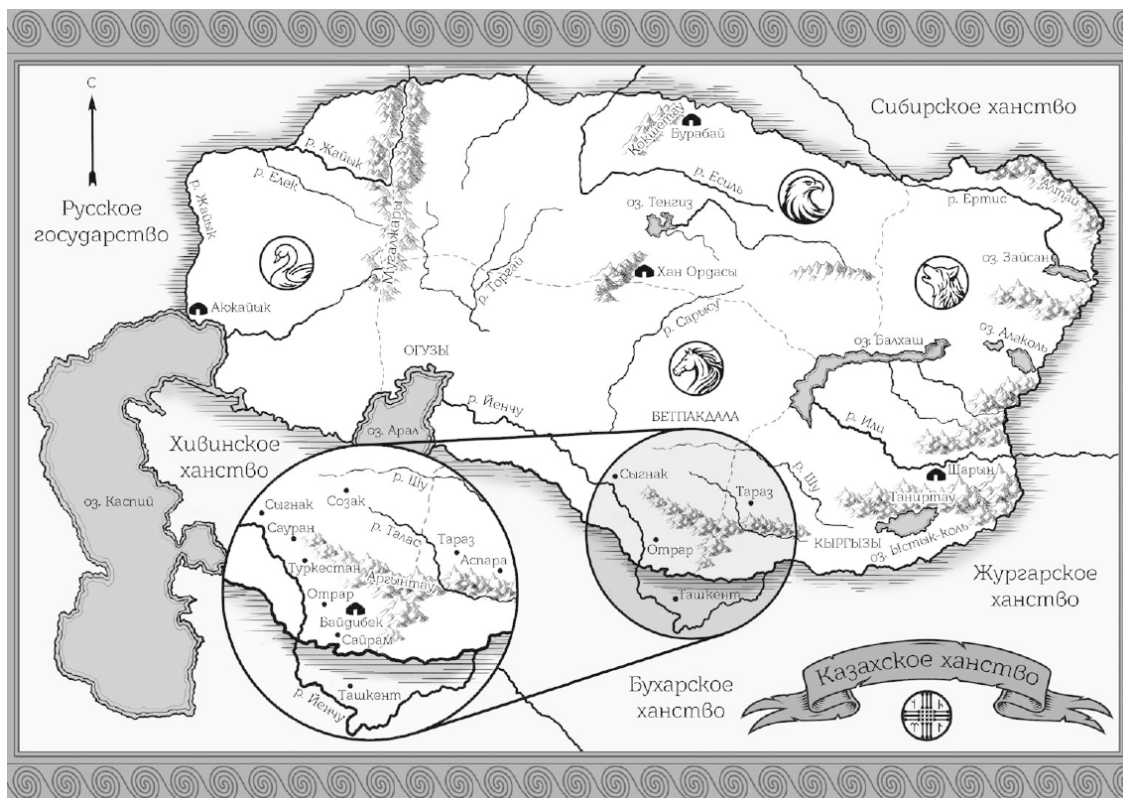
Книга 2
СЕМЬ БЕД И ТЕНИ ЛЕГЕНД

Книга 3
СЕМЬ БЕД И ХАНСКИЙ СОВЕТ

Иллюстрация на обложке: Айнура Малаева
Леттеринг на обложке: Мария Фролова (Letter Elfa)
Карта: Дарья Акулова

© Акулова Д. Д., текст, карта, 2026
© ООО «ИД «Теория невероятности», 2026

Предисловие

Добро пожаловать в мир тюркского фэнтези, достар!

Не знаю, в какой стране вы сейчас держите в руках эту книгу, но «достар» по-казахски значит «друзья». И во время чтения вам будет встречаться ещё много новых слов и терминов, но не переживайте! Поясняющие сноски станут вашими заботливыми сопровождающими в течение всего путешествия по Великой Степи. А самые частые слова, мифических существ и всякую нечисть я собрала для вас отдельно в конце книги – заглядывайте туда, если вдруг что-то забыли.

Кстати, в тексте вы можете встретить реальные географические названия, но действие истории происходит в альтернативной вселенной Центральной Азии и является художественным вымыслом. Книга не является научным трактатом, писательница не эксперт в истории, мифологии и политике, а лишь использовала найденную информацию для вдохновения.

А теперь отправляйтесь смелее – приключения зовут!

Пусть сопутствует тебе удача в походе, а спутником твоим будет старец Кыдыр!¹

¹ Казахское традиционное благословение в дальнюю дорогу. Старец Кыдыр – покровитель счастья, изобилия и благополучия.

Глава 1. Отвергнутая

Никто меня не догонит.

Мой конь Сабаз² нетерпеливо фыркает, глядя вперёд. Я села на него, когда мне было восемь. Я знаю его. Сабаз знает меня. Сабаз – мои крылья.

Никто меня не догонит.

Я хлопаю Сабазу по шее, рыжей, гладкой, упругой и горячей от солнца. Он кивает в ответ. Отлично, мы готовы. Я крепче сжимаю повод и пригибаюсь к телу моего коня. По сигналу Сабаз срывается вперёд. Я вижу впереди цель, и Сабаз видит её. А ещё я слышу позади удаляющиеся возгласы жителей аула и приближающийся топот копыт моего соперника. Дам ему надежду. Ложную, конечно. Но так ведь только веселей?

Никто меня не догонит.

Я прошу Сабазу чуть поднажать, и он с радостью выполняет мою просьбу. Не оборачиваюсь. Я и так понимаю, что соперник начал отставать. Наша цель уже близка – кол с красным флагом. И когда Сабаз добегают, я замедляю его и разворачиваю. Парень на гнедом жеребце не успел меня догнать и поцеловать. Его глаза расширяются, и он тормозит. Надеюсь, он замечает и мою довольную улыбку. Рука тянется к камше³ – теперь моя очередь догонять. Ударяю Сабазу пятками по бокам, и он устремляется прямо к парню. Я вижу, как тот испуганно старается ускакать от нас. Но всё тщетно. Сабаз настигает соперника прежде, чем он успевает вернуться к исходной точке. Я замахииваюсь и стегаю парня камшой по спине. Аулчане разочарованно кричат.

Ха-ха. Какой позор.

Мы возвращаемся к толпе. Парень только мимолётно глядит в мою сторону и спрыгивает наземь. Тут же ему прилетает шапалак⁴ по затылку от друзей. Я смеюсь.

Никто меня не догонит.

Никто. Кроме Айдары.

И вот появляется он, и он знает, что победит. Но не показывает этого другим. Обычно его каштановые волосы до плеч распущены, но сейчас они собраны на затылке в пучок. Только несколько прядей падают на лоб. Его белая кобыла Акку⁵ спокойно вышагивает. Айдар даже не смотрит на меня, будто я ему неинтересна. Я закатываю глаза и тоже стараюсь делать вид, что мне всё равно. Хотя, признаться честно, у меня в голове мелькает мысль нарушить нашу договорённость.

Наконец Айдар оказывается рядом. Сабаз оглядывается на Акку и тянется к ней мордой. Кобыла сначала отпрядывает, фыркнув. Сабаз тоже дёргается. Но немного погодя Акку всё-

² Сабаз (каз.) – удалец, молодец, храбрец.

³ Камша (каз.) – плеть или кнут из натуральной сыромятной кожи.

⁴ Шапалак (каз.) – затрещина, оплеуха.

⁵ Акку (каз.) – лебедь.

таки благосклонно отвечает моему коню приветствием. Я бросаю беглый взгляд на Айдара, разворачиваю Сабазу, и мы проходим чуть дальше на расстояние в две лошади – наше исходное положение.

И снова сигнал – Сабаз бросается вперёд. Я знаю, что он ни капли не устал. Сабаз может проскакать так ещё раз десять. И он очень удивляется, когда я прошу его чуть притормозить: недовольно храпит и мотает головой. Конечно, он недоволен, ведь так Айдар догонит нас.

– Знаю, друг, – говорю ему я. – Ты – мой победитель, но так нужно.

Я слышу приближающийся топот Акку и не успеваю обернуться: рука Айдара мягко ложится мне на талию сзади, а сам он прикивает губами к моей щеке. Я знала, что так будет. Так и было запланировано. Но поцелуй всё равно заставляет мои щёки пылать.

Я не успеваю встретиться глазами с Айдаром: Акку уже несёт его назад. Сабаз недовольно ржёт. Я подначиваю его скакать за ними и хватаюсь за камшу.

Отхлестать бы Айдара как следует! За то, что поцеловал меня. За то, что я согласилась уступить ему в этой игре. За то, что он вызывает во мне какой-то необъяснимый смерч.

Но Акку оказывается на исходной точке раньше под возбуждённые и одобрительные возгласы толпы. Аулчане тянут руки к кобыле и хлопают её по шее, хвалят, дают угощения. Айдар вскидывает голову и торжествующе и хитро смотрит на меня, учащённо дыша. Все, конечно, видели этот поцелуй, а значит, теперь знают о его намерениях жениться на мне. Я убираю камшу и не говорю ни слова, а только улыбаюсь ему в ответ, пытаюсь унять смущение.

– Инжү? – обращается Айдар ко мне.

– М?

Мы прогуливаемся вдоль берега реки. Вдали, из аула, что расположился между ней и Священной рощей, слышатся музыка, радостные крики и смех детей. Сегодня великий праздник – День весеннего равноденствия, Наурыз.

– Как думаешь, наш план сработает?

– Конечно сработает.

Солнце уже клонится на запад, становится прохладно. Я поправляю шапку на голове и прячу ладони в рукавах шапан⁶. От ветра тихо шелестят камыши, и мех на воротнике Айдара отдаёт рябью, словно это волны на воде. А его волосы отливают золотым в закатных лучах.

– Завтра ты станешь баксы⁷, – продолжает Айдар. – А потом тебя ждёт несколько лет обучения...

– Это ничего не изменит.

Я беру его за руку, останавливаю и разворачиваю лицом к себе. Я знаю Айдара с раннего детства, хотя он из ру⁸ Беркутов, а я из ру Лебедей. Наши аулы находятся на границе двух улусов⁹, по обе стороны от Мугалжарских сопок, что позволило нашим отцам подружиться много лет назад, а потом и нам. Мне исполнилось двенадцать две недели назад, Айдару – сегодня. Наши первые двенадцать лет подошли к концу, а значит, подошло к концу наше детство.

⁶ Шапан (каз.) – кафтан из тонкой шерсти или шёлка у народов Центральной Азии.

⁷ Баксы (каз.) – шаманка.

⁸ Ру (каз.) – в этом мире крупная родовая общность, объединяющая людей кровным или обрядовым родством и возводящая своё происхождение к одному общему предку.

⁹ Улус (каз.) – крупная территориальная единица административного деления ханства, занимаемая одним ру (родом) и управляемая рубасы (главой рода). В ханстве всего четыре улуса, соответствующие четырём ру.

– Мы не можем выбирать себе пару, – вздыхает Айдар. – Тем более из другого ру. Выбор делают родители. Но я не представляю, на ком можно жениться, кроме лучшей подруги.

Я смеюсь.

– Я серьёзно, Инжу! – насупившись, говорит Айдар. – Ты такая беспечная!

Он хочет уйти, но я останавливаю его.

– Прости, Айдар, – вздыхаю я. – До этого ещё много времени.

– Ты ошибаешься, Инжу. Сюда стеклись семьи со всех сторон. И к тебе начнут свататься женихи.

– Я буду всем отказывать! – решительно мотнув головой, отвечаю я.

– Можешь отказывать сколько угодно, но решаешь не ты.

Айдар задумчиво смотрит куда-то мимо меня.

– Брось, Айдар. – Я слегка толкаю его в плечо по-дружески. – Акé¹⁰ всё время ругается, что я слишком бойкая для Лебеда. Я слышала, как он делился с матерью подозрениями, что меня благословит не Дух Лебеда, а Дух Беркута. И сегодня ты поцеловал меня на игре. – От этого воспоминания снова вздрагивают струны моей души. – Завтра на смотринах я подарю тебе перстень. Тебе и больше никому!

Айдар вздыхает. Обычно он относится ко всему жизнерадостно, но я понимаю, почему сейчас он не уверен в нашем плане.

В семье Айдара уже давно не было баксы-Беркутицы. Последней стала одна из его прапрабабушек. А сила эта передаётся от матери к дочери. Моя мама Лебедица-баксы. Мои бабушка, прабабушка... Эта цепочка тянется уже несколько поколений. Но на самом деле никто не знает, какой Дух придёт ко мне завтра и одарит своей силой. По традиции к баксы с силой определённого Духа-покровителя сватаются женихи из соответствующего ру. Но нет гарантии, что ко мне прилетит Беркут. Хотя мы с Айдаром надеемся именно на это.

И пусть сама свадьба состоится только через несколько лет, но я тоже не представляю роли своего мужа никого, кроме него. Поэтому мы и договорились, что на кыз куу¹¹ он догонит меня и поцелует, а завтра я подарю ему свой перстень – в знак симпатии.

Айдар вскидывает голову к небу и прикрывает глаза:

– О Тёнгри¹². Надеюсь, этого будет достаточно.

* * *

Мушёл жас¹³ – опасный год. В это время важно заложить хорошую основу для следующего цикла, поэтому человеку в мушел жас рекомендуется делать как можно больше добрых дел, помогать людям, быть щедрым.

Отец зарезал барана этим утром. А мать подготовила для меня новое льняное платье. Его я и надеваю перед выходом.

– Ты у нас такая красавица, – умиляется мама, поправляя подвески у меня на шее. – Поверить не могу, что сегодня ты тоже станешь баксы.

Я вижу светлую грусть на её лице: похоже, она вспоминает тот день, когда её выбрал Лебедь. А когда мама закончила обучение, её выдали замуж за моего отца, и она навсегда покинула родной аул. И вот теперь настала моя очередь.

¹⁰ Акé (каз.) – отец.

¹¹ Кыз куу (каз.) – конная игра «догони девушку», о которой идёт речь в начале главы.

¹² Тёнгри (др. – тюрк.) – верховное божество, владыка Неба в тюркской мифологии.

¹³ Мушел (каз.) – это двенадцатилетний цикл летоисчисления у казахов. «Жас» переводится как «год». Мушел жас – это каждый тринадцатый год со дня рождения человека.

Я нетерпеливо вздыхаю: мне уже давно нужно было выйти – Айдар ждёт. А ещё я волнуюсь. Мама, как всегда, чувствует это, прикладывает ладонь к моей груди, закрывает глаза и шепчет какие-то слова так тихо, что их не разобрать. И тут же приятная прохлада начинает растекаться по всему телу от сердца. Я тоже закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Выдох. Волнение внутри меня утихает.

– Спасибо, ана¹⁴, – улыбаюсь я, когда снова распахиваю веки.

Я готова и выхожу из юрты с подносом разделанного мяса навстречу новому дню.

Всё будет прекрасно.

Друг уже ждёт меня снаружи и улыбается, когда видит. Днём будет жарко на солнце, поэтому он, как и я, не стал надевать тымак¹⁵. Я выбрала вместо него голубую, расшитую монетами такая¹⁶, макушку которой венчают перья филина. Вечером я буду встречать своего тотемного Духа. Ну а пока начинаются смотрины, и мы с Айдаром удаляемся от моей юрты.

– Спорим, я справлюсь быстрее и получу монет и бусин больше тебя? – хитро прищуривается Айдар, глядя на меня.

– Ещё чего, – хмыкаю я и немного перехватываю поднос с мясом: он тяжёлый, а руки затекли.

– Тяжело? – замечает он. – Могу помочь.

– Мой поднос станет легче, когда я раздам мясо раньше тебя, – бросаю я, разворачиваюсь и быстро убегаю к первой юрте, которую должна посетить.

– У тебя нет чести, Инжу! – кричит мне вслед Айдар. – А как же начать по команде?!

Я разворачиваюсь к нему, добежав до дверей, стучу по створке и кричу:

– Чем дольше ты там стоишь, тем позже получишь первую бусину!

Двери открываются, и я занываю внутрь.

Наша задача сегодня – раздать мясо всем в ауле. А ещё – показать себя народу, так как теперь мы вошли в возраст на выданье. Нужно поздороваться с жителями юрты, получить от них напутствия на год и бусину или монетку, которую одна из женщин пришьёт к одежде.

Айдар был прав: сюда съехались многие знатные семьи из Лебедей, Беркутов, Лошадей и даже несколько Волчьих семей, хоть их улус довольно далеко отсюда. Цель одна: найти невесту-баксы для своих сыновей.

Получив свою первую бусину, я, довольная, выхожу из юрты и вдруг вижу, что Айдар уже мчится к следующей. Нервно выдыхаю, но нет времени причитать – несусь дальше, и монетки на такая вместе с бубенчиками на серьгах позвякивают.

Стучу в следующую юрту, и кажется, что к двери не подходят вечность. Кажется, что Айдар уже успел обежать весь аул!

– Ох, ещё одна? – шепчет женщина сквозь щель между створок. – Ты немного опоздала. У нас тут...

Она открывает дверь чуть сильнее, и я вижу внутри другую девочку.

– Ерлик¹⁷ тебя побери... – злюсь я. – Ох, простите!

Нельзя ругаться, поэтому я краснею, кратко кланяюсь и убегаю. У меня опять затекли руки от треклятого подноса. Решаю не ждать, а направиться к следующей юрте. Наверное, мне стоит начать тренироваться, иначе как я смогу потом колдовать: там важны выносливость и гибкость.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем опустел мой поднос, но вот живот оповещает меня о том, что нужно поесть. Я выхожу из последней юрты на сегодня. Воротник моего

¹⁴ Ана (каз.) – мама.

¹⁵ Тымак (каз.) – тёплая шапка с тремя опускными лопастями на бока и на затылок, предок современной ушанки.

¹⁶ Такая (каз.) – тубетейка, мужской и женский головной убор, круглый по форме, с невысоким околышем и клинообразной макушкой.

¹⁷ Ерлик (каз.) – в тюркской мифологии владыка Нижнего мира.

платья и его рукава усыпаны разноцветными бусинками и пуговицами. А поднос пуст. Я стою в назначенном месте в ожидании друга.

– Ладно, ты выиграла, – слышу я его голос за спиной и оборачиваюсь.

Айдар снял свой шапан, потому что солнце снова по-весеннему припекает. Я подношу ладонь ко лбу, чтобы лучи не слепили. Его рубаха тоже изобилует нашитыми оберегами. Айдар подходит ко мне.

– Я же говорила, – самодовольно улыбаюсь я.

– Пошли поедим: я слышу, как воет волк в твоём желудке.

– Подожди, – останавливаю его я и снимаю серебряный перстень в форме птичьего клюва с пальца.

Мне кажется, что Айдар задерживает дыхание, глядя на него. Прохожие обращают внимание на то, что я собираюсь сделать.

– Я обещала.

Это неправильно. Пока что я не Беркутица, вот все вокруг и косятся. Я беру Айдара за руку и кладу ему перстень на ладонь. Он делает серьёзный вид, но на мгновение я замечаю лёгкую улыбку на его лице. Айдар смотрит мне прямо в глаза. Я вся заливаюсь краской и убегаю.

* * *

В этом году на встречу с Духами у Священной рощи приехали пять девочек и несколько десятков других семей: родственников, друзей, потенциальных женихов. Люди начинают собираться за полверсты от кромки леса: все ждут, когда над деревьями покажется полная луна. Я сменила белое дневное платье на длинное серое. Оно закрывает руки и ноги и не имеет никаких орнаментов. Ещё сняла все украшения, так же как и остальные девочки. Чтобы я не замёрзла в ожидании, мама накидывает на меня шубу. Аулчане небольшими группами стоят возле костров, разведённых то тут, то там.

И вот мы наконец видим луну. Старшая баксы трубит в рог три раза – это сигнал. Я скидываю шубу. Мама сжимает мою руку на мгновение и отпускает. Смотрю на Айдара – он кивает. Оставляю позади своих близких и иду на встречу со своим Духом-покровителем. Холодно, но нужно немного потерпеть. Четверо других девочек делают то же самое. Постепенно мы удаляемся друг от друга, при этом приближаясь к роще. Она немного пугает своей темнотой. Но мы знаем, что роща не причинит нам вреда.

Когда мы отходим на достаточное расстояние от толпы, садимся на колени лицом к деревьям. И ждём. Луна восходит ещё выше, делая темноту не такой пугающей. Замечаю сине-зелёное свечение между стволов, и сердце замирает. Сияние приближается, и я уже могу различить в нём Волка. Я видела раньше, как Духи приходили к другим девочкам. Но сейчас на их месте я. И это заставляет меня немного дрожать от восхищения.

Волк подходит ближе, и я понимаю, что он направляется к девочке слева от меня. Наблюдаю за ним. Он идёт ровно и спокойно, смотря лишь на неё. А когда подходит на расстояние вытянутой руки, замедляется, пока не касается носом лба девочки. Тут же её пронизывают сине-зелёные волны, волосы развеваются от внезапного порыва ветра, а затем свечение прячется где-то внутри неё, и всё затихает. Девочка кланяется Волку до земли и встаёт после того, как он отходит от неё.

Волк направляется в мою сторону. Я замираю, но оказывается, что зря: он проходит мимо и останавливается около девочки справа. С ней случается всё то же самое, а потом Волк удаляется в рощу.

Через некоторое время оттуда выскакивает Дух Лошади. Он громко ржёт, взмахивая гривой, и несётся к нам. Но снова не ко мне. Он так же, как и Волк, замедляется вблизи своей

подопечной, тихо подходит к ней и касается мордой её лба. Снова яркая вспышка, и Дух убе-
гает в рощу.

Не успевает он исчезнуть среди деревьев, из-за крон показывается другой – Лебедь. И
снова не ко мне. Он благословляет четвёртую девочку поцелуем клюва и улетает обратно.

Я очень замёрзла, но настала моя очередь, поэтому терплю. Остальные ушли, я совсем
одна. Луна уже высоко, а моего Беркута всё нет. Да, я не сомневаюсь, что это будет Беркут, так
как иначе один из Духов уже подошёл бы ко мне.

Но его всё нет.

Подношу дрожащие пальцы к лицу и пытаюсь согреть их своим дыханием. Не помогает.
Вглядываюсь во тьму деревьев впереди, но никого не вижу. Обнимаю себя руками в тщетной
попытке согреться: без шубы не получается.

Беркута всё нет. Я не понимаю почему. Хочется плакать от обиды и бессилия.

Слышу шаги позади и поворачиваю голову. Тут же мне на плечи ложится меховая
тяжесть. Я хватаюсь за края, запахиваю шубу и выдыхаю.

– Инжу, идём, – говорит Айдар.

– Нет! – отрезаю я. – Я должна дожидаться его! Он прилетит, я знаю!

– Инжу, ты сидишь тут, на холодной траве, уже вечность. Ты простынешь.

– Так не бывает, чтобы Дух не приходил. Всегда приходит, ко всем...

Слышу долгожданный клёкот со стороны рощи. Задержав дыхание, вскидываю голову к
небу – к нам летит Беркут. Слезы радости бегут по моим щекам: Дух мчит ко мне! Наверное,
его задержали какие-то дела в мире Духов. И всё-таки это Беркут. А значит, наш с Айдаром
план просто идеальный.

Я не уверена, стоит ли Айдару сейчас находиться тут, рядом со мной, и он тоже. Поэтому
он медленно пятится. А Беркут всё ближе. Я уже почти не дышу, ожидая его прикосновения.

Беркут пролетает мимо.

Я слежу за ним взглядом, оборачиваюсь и вижу, как он садится на голову Айдара. Тот
замирает и часто дышит, не понимая, что ему делать. Я в замешательстве. Беркут перебирает
лапами по шапке, чтобы повернуться к лицу Айдара, и, ни мгновения не мешкая, касается
клювом его лба.

Вспышка.

Беркут благословил мужчину. Но ведь мужчины никогда не были баксы. Что происходит?

Когда сияние успокаивается, Дух улетает и скрывается в роще. Мы только смотрим друг
на друга, не в силах сказать ни слова, пригвождённые к месту. Со стороны аула слышатся
крики, к нам бегут четверо человек.

Айдар теперь баксы. А я – никто.

Глава 2. Саукеле

Мушел жас – опасный год. В это время нужно быть осторожным, внимательным и аккуратным, тщательно заботиться об отношениях с близкими и о своём здоровье. Важно заложить хороший фундамент для следующего цикла, поэтому человеку в мушел жас рекомендуется делать как можно больше добрых дел, помогать людям, быть щедрым.

Я всё делала по правилам. Но это не помогло.

О Тенгри.

О аруахи¹⁸.

О духи Земли, Огня, Воды и Воздуха.

Кто-нибудь...

Шолпán¹⁹ сверкает высоко в небе, и я слышу, как бараны заблеяли со стороны моего аула. На востоке уже протянулась коралловая полоса света. Ещё немного – и солнце взойдёт и согреет всё своим теплом. А пока я сижу на коленях на траве, покрытой холодной росой, и молюсь, сложив руки в замок перед собой и закрыв глаза.

Кто-нибудь...

Но никто мне не отвечает. Лишь жаворонки трепещут где-то в вышине. Баксы начинают внимать духам после Посвящения. Но ведь я не баксы. Я никто. Духи отвернулись от меня.

От этого осознания из груди вместе с облачком пара вновь вырывается всхлип. Я открываю глаза и вытираю слёзы с щёк холодными пальцами. На жертвенном камне прямо передо мной виднеются алые пятна и потёки, и я будто всё ещё чувствую металлический привкус в воздухе. Поднимаю глаза выше. На голых ветках карагача медленно раскачиваются разноцветные ленты.

Я прихожу сюда каждый день, если наша стоянка оказывается здесь. Я прихожу к другим священным местам, чтобы понять, почему духи покинули меня. Я пытаюсь понять это уже шесть лет. Но ни мне, ни одной другой баксы до сих пор так и не дали ответ. А сейчас какая уже разница?

– Инжу, – ласково зовёт меня мать, но не оборачиваюсь, а только шмыгаю носом.

Её шаги, мягкие и осторожные, раздаются всё ближе. Я чувствую на правом плече тяжесть её руки.

– Инжу, кызым²⁰, – мелодично повторяет она. – Идём, нужно готовиться.

Конечно. Я помню. Меня ждёт жених.

У родителей было достаточно средств, чтобы содержать меня все эти годы. Но предназначение женщины – уйти в род мужа и дать новую жизнь. Я хотела выйти замуж за Айдара.

¹⁸ Аруахи (каз.) – духи предков.

¹⁹ Шолпан (каз.) – Венера.

²⁰ Кызым (каз.) – форма обращения родителей к дочери, а также ласковое обращение старших к младшим по возрасту женщинам, девушкам и девочкам.

Но он стал баксы, а я нет. Мужчины никогда не были баксы, и весь народ расценил это как знак свыше. Все и раньше прочили ему великое будущее, а теперь он ещё и магией обладает. В жизни такого, как он, нет места таким, как я. Айдар – единственный ребёнок в семье. Его родители не позволили ему жениться на мне.

Эти шесть лет мне не позволяли участвовать ни в одном празднике. Наурыз, что был месяц назад, я провела дома. Я редко выходила из юрты, иначе мгновенно становилась объектом презрительных взглядов. Даже детей ко мне не подпускали. В одном ауле живут самые близкие родственники, но кто-то всё равно призывал к тому, чтобы меня изгнать. Кто-то, кто боится. А бояться все. Отец, глава аула, всегда заступает за меня.

Я скучала по Айдару. До сих пор скучаю. Каждый день я мечтала о том, чтобы снова стать свободной. Но, видимо, это не моя судьба. И сегодня я попрошаюсь со своим прошлым навсегда. Свадьба – мой шанс на будущее.

Мой жених – не слишком богатый и не слишком молодой Ыбырай. Он живёт где-то в дальнем ауле к западу от нас, у границы. Он единственный, кто осмелился посвататься ко мне. После смерти жены ему нужна новая хозяйка в дом, тем более что детей она ему так и не смогла родить. Мои родители согласились. Даже без калыма²¹, лишь бы меня приняли в другую семью: может, аруахи мужа возьмут меня под крыло?

Хоть все и говорят, что духи отвернулись от меня, мама всё равно решила провести обряд очищения, положенный всем невестам. Это будет моим прощанием с аулом, семьёй и аруахами рода.

Я помню, как проводили кыз узату²² у другой девочки в прошлом году. Мама и сейчас подготовила всё в точности как тогда. Юрта, куда мы идём, украшена рунами, а внутри нас уже ждут все мои взрослые родственницы. Когда мы входим, за нами закрывают двери. В юрте витает дым с горьковатым привкусом.

Я умру здесь.

Мама снимает свою верхнюю одежду, кимешёк²³ и распускает косы. Надевает шекелик²⁴, который позвякивает своими монетками от каждого её движения. По бокам его украшают лебединые перья. Я бросаю взгляд вниз, где стоят её ритуальные кобыз²⁵ и бубен.

Кобыз...

Последние пару недель я плохо сплю. Все мои сны занимает его образ. Какие-то существа без лиц в длинных просторных серых одеждах своими вытянутыми конечностями всё пытаются всучить мне в руки кобыз. Но каждый раз я отказываюсь и просыпаюсь.

Маме подают её шапан из белоснежной шерсти. Она накидывает его на плечи и подвязывает поясом. От взмаха руками колышутся длинные ленты вперемешку с перьями, которыми отделаны рукава. Затем она поднимает бубен. Женщины берут меня под руки и ведут в центр юрты под шанырак²⁶, начинают раздевать. Первой снимают мою такия. Я смиренно стою, опустив голову. Мама медленно обходит нас, выстукивая неторопливый ритм на инструменте. А когда я остаюсь совершенно нагая и с распущенными волосами, женщины садятся на колени вокруг меня. Я замечаю рядом с собой семь сосудов, наполненных водой. Смотрю наверх. Небо, которое видно через открытый шанырак, уже стало совсем голубым. На жердях

²¹ Калым (каз.) – выкуп, уплачивается стороной жениха родителям или родственникам невесты.

²² Кыз узату (каз.) – церемония, знаменующая прощание невесты с родительским домом перед началом семейной жизни.

²³ Кимешек (каз.) – головной убор замужней женщины (после рождения первого ребёнка), представляющий собой покрывало с прорезью для лица по типу капюшона.

²⁴ Шекелик (каз.) – украшение с подвесками на голову по типу тики.

²⁵ Кобыз (каз.) – казахский двухструнный смычковый инструмент. Кобыз имеет сдвоенный ковшеобразный корпус, короткую, дугообразно изогнутую шейку и большую плоскую головку.

²⁶ Шанырак (каз.) – конструктивный элемент, увенчивающий купол юрты, в виде решетчатой крестовины, вписанной в обод.

юрты, что образуют купол, покачиваются многочисленные обереги из кожаных лент, перьев, бусин и колокольчиков.

Мама громко ударяет колотушкой в бубен. Я закрываю глаза. Слышу, как журчит вода, а потом чувствую её холодное прикосновение то тут, то там по телу: это ручейки из сосудов устремились ко мне. Мама начинает петь на языке, который известен всем баксы, но недоступен простым смертным. Удары бубна становятся всё чаще и чаще. Низкий гортанный звук её голоса наполняет юрту.

Чувствую прохладу, которую создают водяные потоки, кружащиеся вокруг меня, и всё тело покрывается мурашками. Но я сдерживаю порывы обхватить себя руками и сжаться. Песня мамы и ритмичный звук бубна занимают всё пространство в моём разуме. Кажется, тело само начинает немного покачиваться в такт мелодии. Чувствую, как вода касается головы, рук, груди, живота, ног, умывая, забирая у меня что-то. В каждом из четырёх ру свои обряды очищения. Волчиц обмазывают глиной, Лошадей опалают огнём, Беркутиц окуривают дымом. А у нас, Лебедец, нашу прошлую жизнь уносит с собой вода. Разрываются наши связи с родом, и мы умираем в таких ритуальных юртах, чтобы возродиться вновь в другой семье.

Мама снова ударяет в бубен, и я открываю глаза. Водяные потоки замирают после удара, но продолжают парить в воздухе. Мама берёт кобыз и садится напротив меня. Как только смычок касается струн, её глаза заволакивает белая пелена, и я слышу протяжную заунывную мелодию – плач. Тоску по девичьей жизни. Тоску по маминым мягким рукам. По колыбели, в которой лежала в младенчестве. Плач всех девушек, что расстаются со своими родными краями, со своими родными людьми. Мой плач.

Я начинаю петь сынсу – песню-прощание. Я не знаю слов, но они сами приходят ко мне. Они сливаются воедино с мелодией кобыза. Вода снова начинает кружиться. Я благодарю этот аул. Благодарю всех людей. Благодарю родителей за заботу и любовь. Я прощаюсь.

*Ухожу из родного дома я,
Дочь сыном не будет никогда.²⁷*

Солёная влага выступает на глазах, но каплю за каплей магия уносит в общий водяной поток. Я пою, а вода кружится всё быстрее. Я пою, а вода поднимается всё выше. И с последней нотой, сорвавшейся со струн кобыза, водяные струи устремяются вверх, унося к Тенгри всё, что у меня было.

Я мертва для всех духов. Сейчас за мной никто не присматривает.

Мама постепенно возвращается к ясному уму. Женщины помогают ей подняться. Она выглядит уставшей, измотанной, тяжело дышит. Я смотрю спокойно и холодно. И не плачу: слёз не осталось. Делаю пару шагов из центра круга к ней. Мне несут одежду. Лёгкие нижние ткани накрывают сверху тяжёлыми. Волосы снова заплетают, но теперь уже в две косы: замужние могут носить только их. Голову покрывают тканью, надевают войлочный колпак, а затем тёмно-синее саукелё²⁸, расшитое золотыми нитями, бирюзой, монетами и бахромой. По бокам свисают подвески. Они такие длинные, что доходят мне до пояса. На грудь ложится тяжесть ожерелий. Браслеты и кольца берут в плен запястья и пальцы. Наконец все отстраняются.

Подходит моя бабушка с завернутой в отрез ткани горстью соли и обводит вокруг моей головы три раза, приговаривая благословения. Я вижу слёзы в маминых глазах, пока остальные выходят, склонив головы.

Бабушка покидает юрту последней, оставив нас с мамой наедине.

²⁷ Традиционная обрядовая песня «сынсу».

²⁸ Саукеле (каз.) – высокий конусообразный свадебный головной убор невесты.

– Мы женщины, наша задача – родить мужу дитя. Но чтобы внутри тебя зародилась жизнь, вы с мужем должны проводить вместе ночи. Он всё знает. Он всё сделает сам. Позволь ему себя раздеть и не противься – так будет лучше.

Мне становится тревожно от её слов, но я киваю. Двери передо мной распахиваются. Я уже знаю, что меня там ждёт, и иду вперёд.

Снаружи собрались все аулчане. Они безмолвно провожают меня. Наверняка радуются, что отвергнутая духами покидает это место. А впереди, рядом с двумя запряжёнными конями, меня ждёт мой жених Ыбырай.

Выхожу из юрты. Сабаз, что стоит рядом с саврасой лошастью Ыбырая, беспокойно перебирает копытами и фыркает. Моему братишке Толé приходится удерживать его. Иду к Ыбыраю. Тишину разрывает крик из толпы:

– Инжу!

Голос будто кажется мне знакомым, но одновременно с этим я не узнаю его.

– Инжу!

Какой-то парень расталкивает людей и выходит вперёд так, чтобы я его увидела. Его лицо напоминает мне кого-то. Айдар.

О, мой дорогой Айдар. Как ты изменился за шесть лет! Но эти медовые глаза я узнаю из тысячи. Где же ты был всё это время? Почему не приезжал?

Хочу поговорить с ним. Хочу упасть в его объятия. Хочу убежать с ним прочь. Но я не могу.

Я не останавливаюсь, иду дальше, лишь кратко взглянув на друга. А он порывается ко мне. Ыбырай хмурится, но стоит на месте.

– Держите его, – слышу я голос отца.

Двое мужчин хватают Айдара под руки, он пытается вывернуться.

– Инжу! – кричит он мне.

Сабаз силится встать на дыбы. Я не останавливаюсь. Стараюсь не смотреть на Айдара. Губы дрожат, каждый вдох даётся всё тяжелее, будто горло сковывают невидимые цепи. Айдар не оставляет попыток освободиться, и его приходится тащить назад.

– Инжу! – его голос становится всё тише.

Чувствую какое-то шевеление вдоль спины. Но не останавливаюсь. Ыбырай улыбается, когда я подхожу ближе. Протягиваю ему руку и тут же вскрикиваю от боли.

Судорожно хватаюсь за шею, пытаюсь понять, что произошло. Меня будто пронзают два острия – сбоку, чуть ниже уха, – и теперь иглы всё глубже погружаются в моё тело. В панике скидываю наземь саукеле вместе с колпаком и покрывалом, закрывающим волосы. Люди ахают. У меня кружится голова. Ноги подкашиваются. Небо, люди, трава – всё плывёт перед глазами. Слышу ржание Сабазы и падаю. Трудно дышать.

– Инжу! – кричит кто-то, но не могу разобрать кто.

Держусь за шею, пока сознание медленно покидает меня.

Глава 3. Сбежавшая ночь

Слышу сквозь туманную пелену приглушённые голоса. Они тихо переговариваются о чём-то.

Где я?

Пытаюсь разлепить тяжёлые веки – выходит плохо. Пытаюсь сделать глубокий вдох – что-то получается. Пытаюсь пошевелить руками – они будто свинцом налиты.

Голоса оживляются. Чувствую мягкие прикосновения ко лбу, к щекам. Мама. Я пытаюсь позвать её, но вместо слов из груди вырывается хриплый стон.

– Инжу, кызым, – наконец разбираю я.

Делаю глубокий вдох и заставляю свою руку накрыть мамину ладонь на щеке. Наконец получается открыть глаза. Вижу плохо, но понимаю, что мама склонилась надо мной. В поле зрения появляется ещё одно лицо, и я слышу:

– Инжу.

Голос, наполненный состраданием и нежностью, – Айдар.

Мне так хочется разглядеть его, что я нахожу в себе силы, чтобы подняться и сесть. Тут же начинает ныть шея с правой стороны, и я хватаюсь за неё. Ощущаю болезненную припухлость. От движений головой меня снова будто пронзают острые иглы.

Что со мной произошло?

Чувствую, как мама обнимает меня, пока я кричу и пытаюсь совладать со своим сознанием. Я тру глаза и поднимаю взгляд.

– О, благослови тебя Тенгри! – восклицает мама, со всей силой прижимает меня к себе и всё целует и целует в макушку.

Она обхватывает холодными ладонями мои щёки и заглядывает в лицо, чуть не плача. Я улыбаюсь, показывая, что со мной всё в порядке. Насколько это возможно, конечно. Поворачиваю голову. Айдар сидит слева от меня. Позади него, сурово скрестив руки на груди, стоит мой отец. Рядом с ним мой младший брат Толе. Слезы наворачиваются на глаза при виде друга, и я тянусь к нему, чтобы обнять. Айдар понимает это и бросается ко мне.

– Ерлик, мы так испугались... – шепчет он, крепко прижимая меня к себе.

– Что случилось? – хрипло спрашиваю я.

– Тебя укусила гадюка, – чуть дрожащим голосом отвечает мама.

Я нехотя высвобождаюсь из объятий Айдара и удивлённо смотрю на неё.

– Гадюка? Откуда?

– Вероятно, заползла в карман или спряталась в складках тканей.

Вспоминаю то самое странное ощущение на спине и снова касаюсь места укуса. Ничего не понимаю. Гадюки так себя не ведут.

– Я старалась как можно быстрее извлечь яд из раны, – продолжает мама и аккуратно приподнимает мои волосы, осматривая шею, – но боль и отёк ещё остались. Будем молиться, чтобы они поскорее прошли.

А это что такое?

Я случайно бросаю взгляд на свою левую кисть. Не могу понять, что вижу, и дотрагиваюсь до неё второй рукой. Серовато-бурая. Чуть шероховатая и упругая, словно броня.

Чешуя. Это чешуя. Как у змеи.

Тру пальцами эти пятна. Затем ещё раз, сильнее. Не помогает. Задираю рукав. Такими же изъятиями разного размера змеиная кожа покрывает моё предплечье.

– Что со мной? – Меня начинает колотить.

Осматриваю вторую руку – то же самое. Пытаюсь встать.

– Кызым, тебе нужно лежать!..

Мама пытается поймать мою руку, но я уворачиваюсь и встаю. Чуть покачиваясь, подхожу к сундуку, где лежит моё зеркало, и смотрюсь в него. На мгновение успокаиваюсь: лицо осталось прежним, только чуть округлилось из-за отёка. Кручу головой налево и направо, поднимая подбородок выше, и замечаю чешую в области укуса и ближе к затылку. Боюсь представить, что теперь стало с остальными частями моего тела.

– Что со мной? – повторяю я и оборачиваюсь к семье.

Мама только вздыхает и молчит. Айдар смотрит с сожалением.

– Мы не знаем, – низким голосом отвечает отец. – Твоя мать не знает. Послали за баксы из соседних аулов – никто не знает. Ждём сокола от Старшей.

– Пока не вернулся, – тихо кивает Толе.

Отбрасываю зеркало и падаю в объятия отца. Он с радостью принимает меня, расслабляет мышцы, из-за которых всегда кажется горой, и тихо покачивает.

– Я проклята, да? – бубню я, уткнувшись лицом в его грудь.

– Нет. Нет-нет, – решительно отвечает мама, подходит к нам и тоже обнимает. – Ни один из моих ритуалов этого не показывает. К тому же змея была белой. Это благой знак, только... Только надо разобраться.

Я внезапно вспоминаю, что упала без сознания прямо перед своим женихом.

– А где... где Ыбырай? – тихо спрашиваю я, отстраняясь от них.

Отец приглушённо рычит, сжимает кулаки. Мама отводит взгляд. Это не к добру. Толе мягко дотрагивается до моего плеча, и я поворачиваюсь к нему.

– Он уехал.

Слова звучат как удар под дых.

– То есть как? Без меня? – Я поджимаю губы в надежде унять дрожь.

– Он увидел змеиную кожу и... – Толе напряжённо выдыхает. – И сказал, что не вернётся. В груди защемило.

Наверняка он сказал не так. Из его уст полились другие слова. Грубые и обидные. Какие я слышала отовсюду в свой адрес последние шесть лет. Никто. Чужая. Прокажённая. Покинутая. Забытая.

Теперь ещё и страшная.

– Простите меня, – обращаюсь я к родителям и падаю на колени.

Я понимаю, какой позор навис над нашим родом: у матери-баксы дочь без магических сил, а теперь я ещё и брошенная невеста. Мне не отмыться от этого. И я не знаю, как восстановить честь моей семьи.

Отец молчит. Молчит и мать.

– Да как вы можете?! – вспыхивает Айдар, подходит ко мне и поднимает с колен, поддерживая за руки. – Она не виновата!

– Мы не знаем, кто виноват, а кто нет, – отвечает отец, медленно приближаясь к нему, и от его голоса стынет кровь. – Может, не появишься *ты* тогда у роши с той проклятой шубой, Беркут прилетел бы к Инжу!

Айдар хмурится.

– Асан. – Мама касается руки папы, чтобы немного остудить его пыл.

– Что «Асан»? – Папа рывком оборачивается к ней. – Слухи уже разлетаются по степи. Как же наша дочь, Ардак? Что теперь будет с ней? Что будет с нами?..

Отец задаёт вопросы, на которые ещё никто не нашёл ответа. В дверях появляется его подручный с соколом на предплечье.

– Послание от Старшей баксы, мырза²⁹.

Папа, глубоко вздохнув, подходит к нему, отвязывает записку от лапки сокола, отчего тот нетерпеливо переминается. Когда кожаные шнурки отпускают свёрнутую в рулон бумагу, отец передаёт её маме.

– Хвала Тенгри, – вздыхает мама. – Сейчас посмотрим.

Она раскручивает записку и бегаёт глазами по рунам.

– Что она говорит, Ардак? – нетерпеливо спрашивает отец.

Мама хмурится. Взгляд её становится тяжёлым и задумчивым.

– Ана?

– Ерлик побери... Она ничего не знает.

Мама отшвыривает в сторону записку и начинает беспокойно ходить по юрте. Я высвобождаюсь из рук Айдара и обречённо падаю на постель, прячу лицо в подушку. Если даже Старшей духи не отвечают, что теперь будет?

– Кызым, мы со всем разберёмся, – уверяет мама. – Отправлю соколов в другие улусы ханства! Может, тамошним баксы что-то известно.

– Так ты позволишь новости разлететься ещё быстрее! – возражает отец, повысив голос.

– А что прикажешь делать, Асан? – громче говорит мама. – И дальше держать её взаперти? Изгнать?! Я хотя бы как-то пытаюсь помочь, ты же не делаешь ничего!

Они ссорятся. Из-за меня. Я не выдержу этого. Я не должна быть здесь.

Нахожу глазами шубу, вскакиваю и, накинув её на плечи, выбегаю наружу.

– Инжу! – пытается удержать меня Айдар, но я всё равно ускользаю.

Солнце уже зашло, но небо ещё отликает оттенками оранжевого и сиреневого. Я бегу к дереву с лентами, у которого молилась вчера ранним утром. Знаю, что мои молитвы не помогут. Духи меня оставили. Мне просто нужно побыть одной. Аулчане на пути отшатываются от меня. Они боятся меня.

Только добежав до места, позволяю себе отдышаться и заплакать. От обиды. От безнадёжности.

Почему я? Что я сделала не так?

Смотрю вверх, на ветви, на которых от ветра колышутся разноцветные лоскутки. Здесь никто не слышит мои молитвы. Но говорят, что чем ближе ты к Небу...

Я замираю от внезапного осознания. Если я останусь здесь, ничего не изменится. Всю жизнь чахнуть взаперти? Я не готова. В лучшем случае меня отравят или ко мне подошлют убийцу, чтобы народ успокоился. В худшем – сделают что-то с моими родными. Мне совершенно нельзя здесь оставаться.

Я слышала, что далеко на юго-востоке, в землях Волчьего ру, аулы кочуют не так, как мы, живущие на равнинах. С наступлением весны мы перемещаемся с юга на север, осенью – обратно. Жители аулов, что живут близко к горам, летом поднимаются вверх, туда, где трава

²⁹ Мырза (каз.) – господин.

изобилует таким разнообразием, что бока скота к осени лоснятся от сытости. Те жайлау³⁰ находятся в самых высоких горах ханства. Не зря их называют Таниртау³¹. А значит, они находятся ближе к Небу, ближе к Тенгри.

Мне нужно ехать туда.

И пусть никто не обещает, что мои молитвы будут услышаны, я ухватываюсь за эту мысль, как за единственную нить, которая, возможно, приведёт меня к ответам. Всё лучше, чем прозябать в родительской юрте в ожидании смерти. Даже если меня не убьют, я точно сойду с ума.

Вернувшись в дом, я молчу с как можно более отрешённым и холодным видом, отчего меня никто не донимает расспросами. Не знаю, какие словесные баталии здесь были в моё отсутствие, но Айдару позволили переночевать у нас. Правда, за ужином в юрте висит тишина: никто друг на друга не смотрит, все молча жуют.

Особого голода я не чувствую, но стараюсь набить живот: кто знает, когда в следующий раз мне удастся поесть так же плотно. Пока внутри горит свет, я подмечаю, где что лежит и что я могу взять с собой. Заранее перед сном и незаметно для всех готовлю одежду в путь: чистое платье, шерстяной шапан, пояс, шубу... Замечаю лук на стене: целюсь я неплохо, и, возможно, мне даже удастся подстрелить кого-нибудь.

От мыслей, что сейчас, когда все уснут, я уеду, холодеет душа. Скажу им, и близкие точно начнут отговаривать. Нет, так будет лучше для всех. Поэтому, притворяясь спящей и сжимая свой серебряный тумарша³² на шее, я жду, когда юрта наполнится спокойным сонным сопением. Улучив момент, хватаю стопку одежды, лук со стрелами, вяленое мясо с остатками хлеба, курт³³ и бурдюк для воды. Бросаю взгляд на правую сторону юрты, где на стене висят отцовская конская упряжь и кинжал. Своего у меня нет. Надеюсь, отец простит меня за то, что я его позаимствую.

Полнолуние мне на руку. Я тихо выхожу наружу, иду к Сабазу, чтобы и его снарядить в путь. Он удивляется при виде меня, фыркает, и это фыркание проносится эхом по всему табуну. Собаки, дремлющие рядом, наостряют уши. Я шёпотом молюсь всем богам, духам и аруахам, чтобы животные не подняли шум, который разбудит всех в ауле.

Когда я набираю в бурдюк воды из колодца, кто-то тихо окликает меня совсем рядом. Оборачиваюсь и вижу своего брата.

– Инжу, что ты делаешь?

Вздохмаченный и сонный, Толе подходит ближе. Я злюсь оттого, что меня поймали.

– Так нужно.

Отворачиваюсь и закрываю бурдюк.

– Куда ты? – беспокоится он.

Я иду к Сабазу, не останавливаясь.

– Скажи родителям, что я отправилась в улус Волков, к горам, – отвечаю, а у самой голос чуть дрожит. – Тамошные баксы, возможно, что-то знают о том, что со мной происходит.

– Но Инжу, – Толе догоняет меня и продолжает говорить тихо, за что я ему благодарна, – ты хочешь поехать совсем одна, это опасно.

Я молчу. Сабаз уже готов, он нетерпеливо взбивает копытом землю. Цепляю бурдюк к седлу.

– Я поеду с тобой, – вдруг говорит брат и собирается идти, но я останавливаю его.

– Нет, ты нужен здесь. Тебе не стоит в это ввязываться. Я должна сама найти ответы.

– Но я твой брат! Ты же знаешь, что я люблю тебя!

³⁰ Жайлау (каз.) – летние пастбища.

³¹ Таниртау (каз.) – горы Тянь-Шань. Таниртау буквально переводится как «горы Тенгри».

³² Тумарша (каз.) – тумар-оберег, подвеска треугольной формы.

³³ Курт (каз.) – традиционный для кочевников кисломолочный продукт из перебродившего и высушенного молока и соли. Форма зависит от региона, но обычно изготавливают в виде шариков.

Обнимаю его и уверенно говорю:

– Знаю. Но останься, прошу. Позаботься о родителях.

Отстраняюсь, ставлю левую ногу в стремя, приподнимаюсь и перекидываю правую через седло.

– И не позволяй грязным слухам распространяться.

Толе сдаётся и отходит в сторону. Я толкаю пятками бока Сабаза, и он делает рывок вперёд.

Когда брат оказывается позади, я разрешаю себе расслабиться: мне самой сейчас до ужаса страшно от того, на что я решилась.

Ничего, я ведь знаю пути кочёвок нашего аула. И знаю, где сейчас стоянки соседей. Степь только кажется бескрайней, я не собоюсь с пути, ведь над головой у меня настоящая карта – звёзды. Я в последний раз гляжу на свой аул. Над ним в небе сверкает Железный кол³⁴.

Я скачу во всю прыть, но внезапно страх охватывает меня, торможу коня. Разворачиваю. Куда я собралась, одна, в ночь? Вернуться? Нет смысла! Снова тяну повод Сабаза, чтоб повернуть его морду на юго-восток. Мне больше нет места в родном ауле, никто не будет меня там ждать, кроме родителей! Я не могу так жить! Но что ждёт меня в пути? Я никогда не ездила вот так, одна. Снова кручу Сабаза, и он возмущённо ржёт.

– Я знаю, знаю!

Слёзы выступают на глазах. Страшно до ужаса. От неизвестности. От ненависти других. Как решиться?

Я должна взять себя в руки.

Утираю рукавом мокрые щёки. Нет. Я еду. Сабаз стрелой бросается вперёд. Не смотрю назад, нет-нет. И чем сильнее мы удаляемся, тем спокойнее мне становится.

Но вдруг – топот копыт, совсем рядом! Я вздрагиваю. Мимо пронесится что-то большое и белое, что опережает Сабаза и перегораживает ему путь, отчего тот недовольно ржёт и встаёт на дыбы. Я пытаюсь его успокоить и не сразу узнаю всадника.

– Ерлик бы тебя побрал, Инжу!

– Айдар?

Я удивлённо хлопаю глазами, а потом меня осеняет: наверное, Толе разбудил Айдара и всё ему рассказал.

– Не пытайся меня остановить, – хмурюсь я и даю Сабазу команду обойти Акку.

Слышу, как Айдар вздыхает, а потом они нагоняют нас и равняются.

– Я и не пытаюсь.

Я в непонимании гляжу на него.

– Но могла бы мне хоть сказать: мы же друзья!

Приятное тепло в груди отзывается в ответ на его слова, но я стараюсь не подавать вида, отворачиваюсь.

– Теперь ты знаешь. Доволен? – как можно более равнодушно бросаю я, но он всё равно говорит:

– Я поеду с тобой.

Я резко торможу Сабаза, отчего тот в недовольстве взмахивает гривой. Смотрю на Айдара. Он смотрит на меня.

– Ты с ума сошёл? – спрашиваю я.

Айдар задумывается на мгновение, напряжённо сглатывает.

– Пока нет, – отвечает он и взгляда от меня не отводит.

– Ты баксы!

– И?

³⁴ Железный кол – Полярная звезда.

Сильно сжимаю повод. От меня ведь даже Духи отвернулись, зачем ему ехать со мной? Я никто. Шесть лет от него не было ни весточки, не нужно было ему приезжать и ставить под угрозу честь рода, снова связываясь со мной!

Акку фыркает. По глазам Айдара понимаю, что настроен он серьёзно, но продолжаю придумывать для него поводы оставить меня:

– Ты первый мужчина-баксы.

– И?

Сабаз беспокойно топчется на месте. Ветер ударяет в спину. От отчаяния бросаю:

– Ты единственный сын своих родителей!

Тут-то он и потупляет взгляд, бессознательно дотрагиваясь до серьги-дуги в левом ухе как в подтверждение моих слов: по поверьям, украшение защищает долгожданных и единственных продолжателей рода от внезапной смерти или сглаза.

– Я уже не тот мальчик, которого ты знала, Инжу, – наконец гордо поднимает голову он. – Меня... обучали. Я... тренировался.

– Узнаю старого Айдара-хвастуна, – хмыкаю я, снова вспоминая, что это он получил силу, а не я.

– Инжу, – вздыхает Айдар и подводит Акку чуть ближе. Сабаз немного утихомиривается. – Опасно бродить по степи в одиночку вне зависимости от того, мужчина ты или женщина.

Я шумно вздыхаю и закатываю глаза. Но Айдар прав.

– Я просто провожу тебя до места и обратно, сойдёт? – подмигивает он.

Я молчу.

– О Тенгри... Что за девчонка?.. Мы не общались шесть лет, Инжу! Неужели ты не хочешь провести в компании друга месяц-другой?

Друг. Я так давно не слышала этого слова... Может, Айдар – единственный друг, что у меня остался? И приехал ко мне, несмотря на то что мы не общались так долго. Всё это время мне больше всего на свете хотелось дружбы. И сейчас хочется.

– Ладно, – киваю и снова пытаюсь выглядеть безразлично, а у самой сердце колотится.

Толкаю пятками Сабаза, он шагает вперёд. Айдар догоняет.

– Я ожидал большего восторга.

– Я должна кинуться в твои объятия? – пытаюсь уколоть его я, но он неожиданно отвечает:

– Я был бы не против.

Заливаюсь краской, поджимаю губы, хватаюсь за камшу. Айдар замечает это и ударяет пятками в бока Акку, чтобы та отскочила вперёд. Камша попадает по крупу кобылы, отчего она недовольно взвизгивает.

– Мазила, – смеётся Айдар.

– Ну я сейчас тебе покажу! – закипаю я и устремляюсь вслед за ним, пока внутри всё трепещет от радости.

Глава 4. Две звезды

Я просыпаюсь от крика жаворонка и по привычке ожидаю следом голос мамы – она ведь будит меня каждое утро. Но птичья трель раздаётся вновь. Я потягиваюсь, разводя руки, а вокруг меня вместо мягкой постели чуть влажная от росы трава. В нос ударяет запах сырой земли. Сердце тоскливо сжимается от осознания, что я не дома, и я проверяю, на месте ли мой тумарша. На месте.

Сабаз и Акку перефыркиваются между собой. Я поднимаюсь на локтях, и шуба, которой я укрывалась, соскальзывает к животу. Шея болит. На сумке спать – это тебе не в юрте на подушках. Но я вдруг понимаю, что впервые провела ночь без снов с участием странных существ и кобыза.

Тру глаза и тут же смотрю на руку: вдруг исчезла змеиная кожа? Но нет. Радует только одно – она не расплзлась ещё дальше. После короткого сна тревожность немного ушла. И всё же я рада, что отправилась в путь не одна.

Айдар переворачивается на спину, но глаза остаются закрытыми. Он так изменился с того злополучного дня. Ушли детские щёки, лицо стало более угловатым, да и ростом он вытянулся. Красавец...

Я смущаюсь от собственных мыслей. Раньше мне казалось, что я в него влюблена. Как и многие девочки в округе. А он говорил, что хочет жениться лишь на мне. Мы, конечно, были детьми, но изменились ли его чувства ко мне? А мои?

Айдар вдруг открывает глаза, словно почувствовав моё внимание, я же перевожу взгляд наверх, разглядывая ветки.

– Давно не спишь?

Он зевает.

– Только что проснулась. Доброе утро, – говорю ему я и нехотя вылезая из-под тёплой шубы.

Я роюсь в сумке, чтобы достать немного вяленого мяса и воды. Боюсь, что за нами всё-таки отправили кого-то из аула, поэтому нужно позавтракать быстрее и выдвигаться. Айдар тоже поднимается, прислоняется спиной к стволу, откупоривает бурдюк и делает несколько глотков. Пять деревьев, выросших кругом, послужили нам местом ночёвки. На ветках уже появились первые листочки. Но они слишком малы, чтобы укрыть нас в случае дождя. Дождь! Я ничего с собой не взяла, чтобы защититься от него в пути! Хвала Тенгри, что пока обошлось без него. Будь я Лебедицей-баксы, соорудила бы нам щит.

А ведь Айдар тоже мог бы.

Меня бьёт внезапное осознание, что мой друг – баксы. Они ничем не отличаются от обычных людей, разве что узнать их можно по ритуальному наряду, надеваемому во время

обрядов. Вот и Айдар выглядит обычным. Он из богатой семьи бия³⁵. Осанка всегда прямая и горделивая, речь слаженная, одежда жёлтых и светло-коричневых тонов, свойственных всем представителям Беркутов, только из дорогих тканей. Айдар, держа в зубах кусок лепёшки, повязывает на голову ткань, потом надевает расшитый растительным орнаментом шапан.

– Ты чего всё смотришь? – спрашивает он, жуя и снова замечая, как я пялюсь.

Я тут же делаю вид, что тоже собираюсь, и интересуюсь:

– Ты правда можешь использовать магию?

Айдар глядит на меня и, быстро дожевывая, глотает и только потом отвечает:

– А что?

– Просто это... – задумываюсь я, – это так странно. Для чего Ульгёнь³⁶ послал дар мужчине?..

– А для чего Ульгёнь наградил тебя змеиной кожей?

Неловко прячу кисти поглубже в рукавах.

Ну спасибо, Айдар. Я только забыла об этом.

– Прости, – Айдар виновато чешет затылок.

Зачем он это сказал? Ему неприятно это видеть? Неприятно дотрагиваться до меня?

Мне беспокойно от этих вопросов в голове.

– И... что ты умеешь? – осторожно спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

Ведь на самом деле я видела только, как мама управляет с водой, а вот как баксы повелевают воздухом – нет. Теперь-то можно узнать! Но Айдар с ответом не торопится, выглядит немного растерянным.

– В смысле? – наконец говорит он.

– Ну, магия, – уточняю я и улыбаюсь ему. – Что ты можешь? Волны? Смерчи?

Айдар снова медлит, а потом бурчит короткое:

– Их тоже, да. Много чего.

Я хмурюсь в непонимании. Где же мой старый друг-болтун? Будь магия у меня, я бы незамедлительно похвасталась всем, что умею! Даже представить себе не могу, на что он способен. А вдруг Айдар даже умеет летать, как его прапрабабушка?

– А покажешь? – загораюсь я совсем нетерпеливо.

Айдар же не смотрит на меня, а лишь без особого интереса спрашивает:

– Прямо сейчас?

Я всплёскиваю руками.

– А почему нет? Мне очень интересно! Пожалуйста, Айдар.

Он выглядит немного напряжённым, осматривается в поисках чего-то и садится поудобнее, скрестив ноги перед собой. Его взгляд останавливается на кучке пожухлых прошлогодних листьев. Он тянет руку, делает пару круговых движений кистью над ними, и – о Тенгри! – воздушные потоки начинают закручивать их, немного приподнимая.

Мои глаза округляются в восторге. Его пальцы и ладонь чуть переливаются серебристым свечением. Листья кружатся всё быстрее, стайкой завихряются вслед за кистью друга, и вот он уже держит их в воздухе прямо над ладонью. Потом Айдар второй рукой будто толкает что-то в мою сторону. Воздушное течение вместе с листвой резко устремляется мне в лицо так, что перехватывает дыхание. И теперь у меня наверняка листья в волосах, поэтому Айдар улыбается.

– Как-то так.

А ведь это могла быть я. Я должна была получить эту силу. Почему он, а не я?..

³⁵ Бий, би (каз.) – судебный и политический деятель, территориально возглавляет один из арысов внутри улуса.

³⁶ Ульгёнь (др. – тюрк.) – верховное божество, по поверьям, обучившее первых баксы.

Тоска вдруг стягивает грудь. Я стараюсь не выдать то, о чём думаю, поспешно убираю еду обратно в сумку и принимаюсь вытаскивать листья из волос и переплести косу, что расстрепалась во сне. Снова одна коса...

– Эй, – слышу голос Айдара, но не смотрю на него. – Инжу?

Бросаю короткий взгляд, хватаю вещи в охапку.

– Ты в порядке? – спрашивает он, но вместо ответа я встаю и быстро направляюсь к Сабазу.

* * *

– Айдар! – грозно рявкаю я, увидев друга, сидящего у воды на камне.

Он дёргается и оборачивается. Я стою совсем рядом с ним и утыкаю руки в бока.

– Почему не разбудил меня?! – Вижу тонкую красную струйку, стекающую по его щеке. – Ойбай³⁷...

– *Ойбай*, – передразнивает меня Айдар, нахмурившись.

Только сейчас я замечаю в одной его руке небольшое зеркало, а в другой – нож. Не совсем обычный: это бритва. Он откладывает её, берёт с коленей кусок ткани и, глядя в зеркало, прикладывает к ране.

Я, кажется, стою бледная. Айдар видит меня в отражении.

– Всё нормально, просто небольшая царапина, – говорит он и промокивает кровь несколько раз.

Чувствую себя неловко и не нахожу, что сказать.

– Прости, что напугала, – наконец отвечаю я.

Айдар оборачивается в недоумении, но потом улыбается.

– Сказал же, ничего страшного, – отмахивается он. – Забыли.

Он снова берёт нож, подносит к лицу и аккуратно проводит лезвием по коже.

– Ты что, никогда не видела, как бреется твой аке? – усмехается он, наблюдая чуть потерянную меня в зеркале.

Я мотаю головой, чтобы немного прийти в себя.

– Нет... То есть да... То есть... – Я шумно выдыхаю и топчусь на месте. – Я ещё не видела, как это делаешь ты.

– Мне восемнадцать, Инжу. И да, у меня растут волосы на лице. А не разбудил я тебя, потому... – Айдар замолкает на пару мгновений, сложив губы в узкое «О», чтобы кожа на щеке натянулась и лезвие легко скользнуло. – Потому что ты так сладко спала... Что с тобой? – спокойно спрашивает Айдар, всё так же сосредоточенно продолжая бриться.

Я вижу перед собой друга детства. Но одновременно понимаю, что он незнакомец. Раньше я узнала бы его из тысячи, а сейчас понимаю, что не представляю, каким он стал. В моей памяти он всё ещё мальчишка.

– Инжу? – переспрашивает Айдар, прерывая мои мысли.

– Я... Пойду.

Я резко разворачиваюсь, кулаки плотно сжаты, и слышно лишь мои торопливые шаги по гальке.

³⁷ Ойбай (каз.) – междометие, которое выражает удивление, испуг, негодование, досаду или восхищение в зависимости от ситуации.

* * *

Лето приближается, и каждый день становится длиннее и жарче предыдущего. Раньше в это время года мой брат Толе любил бегать к реке босиком по траве – она молодая, мягкая и стопы совсем не колет, не то что летняя. Иногда ему и меня удавалось с собой утянуть, пока отец не видел. С братом я могла хотя бы немного подурачиться. Но это раньше, сейчас-то Толе повзрослел, посерьёзней, ходит с отцом на выпасы и даже может починить прохудившийся войлок на юрте.

Теперь всё не так.

И каждый день мне всё больше и больше кажется, что прежние Инжу и Айдар остались в прошлом. Я скидываю шубу с плеч, чтобы сделать из неё свёрток и пристегнуть к седлу.

– Помощь нужна? – улыбается Айдар, горделиво расправив плечи и подъезжая ко мне.

– Это просто шуба, Айдар, справлюсь, – только отвечаю я, запрыгиваю в седло и прошу Сабазу проскакать чуть вперёд, чтобы не разговаривать с другом.

Это будет сложнее, чем я думала. Мы вроде и знаем друг друга, а вроде и стали чужими. Я не вполне понимаю, почему именно злюсь. Злюсь на Айдара, что он стал баксы? Но ведь это Ульгень его выбрал. Злюсь на себя, что прогневала Ульгенья и Духов? Но ведь я всегда жила по правилам, чтобы заслужить благосклонность Неба. Злюсь на Ульгенья и Духов? Но как можно злиться на них и на их великие замыслы?.. Однако несправедливость всё равно не даёт успокоиться.

Незаметно степь уже успела позеленеть. Сабаз и Акку наслаждаются свежей травой, когда мы останавливаемся на привал. В течение дня Айдар предпринимает несколько неудачных попыток со мной заговорить, но в конце концов сдаётся. Чего это я? Он ведь ко мне со всей душой! Решил поддержать меня в путешествии. Почему же так сложно с ним разговаривать? Наверное, я привыкла к тому, что окружающие не хотят иметь со мной никаких дел, хотя я так отчаянно желала, чтобы кто-то, кроме отца, матери и брата, составил мне компанию. И вот теперь отвергаю единственного человека в округе. Он и сейчас едет поодаль, не смотря в мою сторону. И только ближе к вечеру, когда видит место для ночлега, бурчит:

– Остановимся тут.

Смотрю, как огонь отбрасывает тени на его спину, пока он лежит, отвернувшись от меня. Обиделся? Это ясно как день. А у меня сна ни в одном глазу. Нужно как-то начать разговор.

– Айдар, – шёпотом зову его я.

Тишина, только ветки в костре чуть трещат.

– Айдар? – снова делаю попытку я. – Ты спишь?

И неожиданно он отвечает так громко, что я вздрагиваю:

– Уже нет.

Останавливаться теперь смысла нет, но я не придумываю ничего лучше, чем глупо спросить:

– Будешь спать?

Друг шевелится и переворачивается лицом ко мне. Он не выглядит сонным, скорее всего, он тоже ещё не спал.

Вот он, Инжу, что дальше?

Я усаживаюсь и запахиваю шубу. Айдар вперяется в меня взглядом и молчит.

– А разве мы не должны охранять друг друга по очереди ночью? – вылетает у меня.

Айдар удивлённо вскидывает брови и отвечать не торопится.

– Ну... – удручённо вздыхаю я, поджимая губы. Как же сложно идёт разговор! Наверняка Айдар так же мучился весь день. – Вдруг разбойники там. Или волки.

Я никогда не путешествовала одна, поэтому не знаю, как принято. И оттого сейчас кажется, будто мои вопросы неправильные и глупые. Чувствую, как щёки заливают жар. Хорошо, что этого не видно в приглушённом оранжевом свете от костра.

– На самом деле хорошая идея, – вдруг отвечает Айдар и вылезает из-под своей шубы. – Давай я покараулю до полуночи, а потом разбужу тебя на смену.

Нет. Нет-нет-нет, не уходи!

Но Айдар, конечно, мои мысли слышать не может. Он делает несколько шагов в темноту и садится на большой плоский валун. Снова спиной ко мне.

Отличная работа, Инжу.

Я неудовлетворённо выдыхаю оттого, что разговор не идёт. Не слишком охота выбираться из-под тепла, но приходится. Захватив шапан и сложив его, я подхожу к Айдару и кладу свёрток на камень, чтобы сесть рядом.

– Иди спать, – бурчит Айдар и на меня не смотрит. – Я же сказал, что первый буду караулить.

– Я знаю, но... – запинаясь я. – Просто я хотела...

Вихрь различных чувств не даёт мне понять, что сказать. Но вдруг Айдар сам начинает:

– Ты и слова не вымолвила с полудня. Не пойму, что я сделал?..

Он прав. Нельзя ведь так с друзьями.

– Прости. – Я склоняю голову, вжимая её в плечи, и тереблю пояс. – Ты ничего не сделал.

Это всё я.

– Разве? – усмехается он.

Я вздыхаю, пытаюсь подобрать слова.

– Скажи, – осторожно говорю я после долгой паузы, – ты тоже чувствуешь эту пропасть между нами?

Ложусь на камень лицом к звёздам. Айдар делает то же самое, и какое-то время мы молча смотрим на мерцающую россыпь. На небе буквально на мгновение вспышкой появляется короткая черта и тут же пропадает – звезда упала. И мы с Айдаром почти одновременно восклицаем:

– Моя выше!

Глядим друг на друга и начинаем смеяться.

– Не смейся, – возмущаюсь я, – чья-то звезда закатилась. – А сама не могу остановиться.

– Главное, что не наша, – не успокаивается Айдар.

Постепенно смех всё же затихает, а потом мы лежим, стараясь перевести дыхание, но периодически хихикая.

– Ты такая же, – говорит Айдар, смотря на меня. – Такая, какой я тебя запомнил, – круглолицая, всегда улыбающаяся девочка с длинной косой. Веснушек, кстати, стало больше.

– А у тебя теперь растёт борода.

Айдар усмехается. Поднимает руку, показывая кольцо на мизинце. Серебряное, в форме клюва. Я сразу и не узнаю его. Сердце подпрыгивает.

– Моё кольцо! – изумляюсь я и расплываюсь в улыбке. – Шесть лет прошло с тех пор, как я видела его последний раз!

Он тянется второй рукой, чтобы снять его, но я останавливаю:

– Нет, оставь себе. Это же подарок.

Айдар кивает.

Мы снова глядим на звёзды. Вздыхаем одновременно. Я ёжусь от холода: под шубой было теплее. И наконец нахожу тот самый вопрос, который мучил меня всё это время:

– Почему ты не приезжал?

Айдар долго не отвечает. Но я не тороплю его, доверяю. Он меняется, когда речь касается того, как он жил всё это время, пока учился. Что же там случилось?

– Я хотел, – говорит он тихо, – очень хотел. Но меня не пускали. Даже весточки послать не мог, соколы не слушались! Старшая баксы следила за этим. Не знаю, может, родители попросили...

– Конечно, – грустно киваю я. – В глазах всего народа я та, от кого отвернулись Духи, я... Но Айдар перебивает:

– Я так не считаю!

Улыбаюсь и шепчу короткое:

– Спасибо.

Чувствую, как рука Айдара лежит уже совсем близко к моей. И кажется, слышу, как стучит моё сердце.

– И... – осторожноичаю я. – Что там было?

– Где?

– На севере, в Бурабае, где ты обучался.

Он напряжённо сглатывает. Снова не торопится отвечать.

– Сначала все очень удивлялись. Потом нашлись те, кто плевался, мол, я мужчина и никогда не стану настоящим баксы, потому что не имею связи с природой, как женщины.

Даже так? Я думала, всё было наоборот – первый мужчина-баксы, вот это честь! Но я молчу, боясь спугнуть Айдара.

– Потом я... учился, – продолжает он. – Изучал это... управление воздушными потоками, да.

– Звучит ужасно интересно! – восхищаюсь я, а в груди всё равно покалывает от мысли, что мне такое никогда не светит.

– Но я ни на миг не забывал о тебе.

Замираю в тревоге: Айдар сначала мягко касается моей кисти, а потом переплетает наши пальцы и немного сжимает их. Внутренности скручиваются в тугий узел. Я совсем не понимаю, как себя вести. Я не смотрю на него, но моё дыхание сбивается, а сердце колотится пуще прежнего.

– Эрлик тебя побери, Инжу. Ты ледяная! – вдруг восклицает Айдар и высвобождает руку.

Я действительно уже очень замёрзла и что-то переволновалась. Друг поднимается, идёт к моему спальному месту и возвращается с шубой, которую накидывает мне на плечи, когда я сажусь. Я с наслаждением хватаюсь за её полы и запахиваюсь так сильно, будто собираюсь превратиться в кокон, – сейчас быстро согреюсь. Шумно выдыхаю не то от холода, не то от благодарности Тенгри за избавление меня от неловкого момента. Не знаю, что со мной происходит и готова ли я сейчас говорить об этом.

– Холод, Инжу и шуба, – улыбается Айдар. – Что-то мне это напоминает.

– Наурыз, когда ты украл мою магию, вот что! – Я легонько толкаю его в плечо.

– Эй! – Айдар пихает меня в ответ, и мы заливаемся смехом. – Ничего я не крал!

Конечно не крал. Мы оба это знаем. Пусть мне и обидно из-за этого, но кто мы, чтобы понять волю Духов?

– Я скучал по твоему смеху, – вдруг говорит он, и я вижу его лицо, вмиг ставшее серьёзным. – И по тебе.

Я смущаюсь, но честно отвечаю:

– А я соскучилась по тебе.

Мы изменились, что уж тут говорить. Осталось разобраться со своими чувствами. Но что бы ни было между нами, я рада, что Айдар сейчас со мной. Впереди долгий путь и куча времени, чтобы узнать друг друга лучше. К тому же путешествовать с баксы уже не так страшно.

Глава 5. Кровь и медь

Обычно до заката мы успевали найти место для ночлега, но сегодня туман опережает нас. Лошади шагают медленно и осторожно, а белая молочная пелена окружает всё плотнее. Не видно ничего впереди, даже неба.

– Может, остановимся прямо тут? – волнуюсь я.

– Не переживай, мне приходилось держать путь в тумане, – отмахивается Айдар. – К тому же лошади могут идти прямо десятки вёрст с закрытыми глазами.

Я нехотя соглашаюсь, но замечаю, как они беспокойно прядают ушами.

Не знаю, сколько мы идём так. Чувствую себя неуютно оттого, что не вижу звёзд. Хочется остановиться, укрыться шубой и обнять Сабазу в ожидании, пока туман рассеется. Но Айдар упрямо ведёт нас дальше.

– Смотри! – вдруг нарушает тишину его голос.

Хватаюсь за тумарша на шее. Мне тревожно, что он крикнул слишком громко, не хочется, чтобы кто-то нас услышал. Но кто?

Я пытаюсь разглядеть, что же он увидел там, впереди, и различаю еле мерцающий свет, будто от огня.

– Аул. Или такие же путники, как мы, – перебирает варианты Айдар.

Или те, с кем лучше не встречаться.

Я снова доверяюсь Айдару и слеую за ним. Но не будь я верхом, точно бы встала как вкопанная.

Огонёк в тумане то появляется, то пропадает. Но мы идём. Лошади фыркают.

– Спокойно, девочка. – Айдар подбадривающе хлопает Акку по шее.

Сабаз не так сильно проявляет беспокойство, но я всё равно вжимаю голову в плечи и держу повод похолодевшими пальцами.

Наконец туман будто расступается перед нами, открывая взору белоснежную юрту. Её двери открыты, оттуда и льётся такой манящий и родной свет огня.

– Хвала Тенгри, – улыбается Айдар. – Я же говорил. Попросимся переночевать.

Он спрыгивает на землю, берёт Акку под уздцы и ведёт её ближе к юрте. Я делаю то же самое и слеую за ним. Достаю из сумки кожаные перчатки, надеваю их, а потом повязываю на шею лоскут ткани: нужно спрятать змеиную кожу, чтобы не пугать людей. В проёме мелькают тени, и вдруг возникает тёмный силуэт.

– Армысыз? – спрашивает мелодичный женский голос.

– Бармысыз³⁸, – отзывается Айдар.

– Что привело вас, путники?

³⁸ Главное традиционное приветствие у казахов. Здраваясь «Армысыз», первый человек спрашивает: «Честный ли вы человек?», на что другой отвечает: «Да, я честный человек, а вы?» Окончание в этом приветствии может меняться в зависимости от лица, которому оно адресовано.

Мы подходим ближе.

– Мы идём на юго-восток, туман настиг нас в пути. Можно ли переночевать у вас? Как только взойдёт солнце, мы уйдём.

Из дверей выходит девушка, освещая Айдара передо мной пламенником. Я немного выглядываю из-за его спины. Девушка улыбается.

– Оставайтесь на сколько хотите, – будто пропевает она.

– Благодарим, хозяйка. – Айдар кланяется ей, дотронувшись пальцами до лба.

– Лошадей можете привязать тут.

Она указывает рукой с пламенником в сторону от себя, освещая коновязь возле юрты. Айдар тянет Акку к столбу, теперь и мы с Сабазом открываемся взору незнакомки. Я замечаю, как пристально она смотрит на меня, улыбаясь. Она красива. Подбородок немного заострён, большие светлые глаза. Две толстых, тугих чёрных косы спускаются по грудям до бёдер – значит, замужем. Я не узнаю белую одежду под шубой на плечах: не то платье, не то рубаха с запахом. Но рукава такие длинные и широкие, что закрывают кисти рук девушки. И украшения – так много драгоценностей: шолпы³⁹ на косах, крупные серьги, отражающие свет от пламени, тяжёлое ожерелье из пластин, пояс, украшенный камнями и узорами. Наверняка и на руках у девушки браслеты и кольца.

– Жаны́м⁴⁰, чего же ты стоишь?

Я понимаю, что она обращается ко мне, и начинаю бегать глазами вокруг, не отпуская Сабазу. Она всё продолжает смотреть, будто даже не моргая.

– Давай, Инжу, я помогу. – Айдар перехватывает повод из моих рук.

– Инжу-у, – снова поёт девушка. – У меня много украшений с жемчугом⁴¹ из разных уголков мира. Хочешь взглянуть?

Она не двигается, ждёт, пока я подойду сама. Айдар спокоен. Даже лошади утомонились. Наверное, я слишком волнуюсь. Не принимать гостеприимство хозяев невежливо. Так можно и гнев Духов на себя навлечь.

– Да, с радостью, – отвечаю я и заставляю себя улыбнуться, хотя сердце бешено колотится.

Наконец лошади привязаны, а мы с Айдаром заходим внутрь вслед за девушкой. Она ловко убирает пламенник, закрывает за нами двери и складывает руки перед собой, пряча кисти в рукавах странного одеяния. И не перестаёт улыбаться. Теперь я могу точно сказать, что все её украшения сделаны из золота. Не могу понять, из какого она ру: мы всё ещё находимся на территории Лебедей, но Лебеди предпочитают серебро.

– Кто вы и из какого вы... – несмело пытаюсь спросить я, но Айдар громко перебивает:

– А где же хозяин доброго дома?

– Он в отъезде, – коротко отвечает она, пропуская мой вопрос мимо ушей. – А вы пока можете отведать ужин.

Девушка кивком указывает в сторону, на стол. Могу поклясться, что его там не было, когда мы вошли. На нём нет свободного места: баурсаки⁴², мясо, яблоки, какие-то ещё неведомые мне фрукты и сладости... Кем является муж этой девушки? Она здесь совсем одна, в юрте посреди степи.

Я уже несколько дней не ела горячей пищи, но отчего-то мой аппетит не просыпается при виде такого богатого стола.

³⁹ Шолпы (каз.) – парные наконечные подвески.

⁴⁰ Жаны́м (каз.) – душа моя.

⁴¹ Имя Инжу переводится с казахского как «жемчуг».

⁴² Баурсаки (каз.) – небольшие пончики, жаренные в большом количестве масла в казане.

– Спасибо, хозяйка. Я с радостью, – улыбается Айдар и плюхается на подушки, скрестив ноги перед собой. Он тут же хватается одной рукой баранью ногу, другой – лепёшку.

– А ты, Инжу? – Девушка снова пристально смотрит на меня.

– Я... не голодна, спасибо, – натянуто улыбаюсь я и начинаю разглядывать убранство юрты.

Чисто и просторно. Светлые ковры с узорами и орнаментами на стенах создают впечатление, что их явно ткали где-то не в наших краях. Айдар утопает в подушках из богатых тканей. Слишком много места занимают украшенные сундуки разных размеров. Их здесь около десяти, может, больше.

– Тут часть моих украшений, – говорит девушка, когда я подхожу к одному из них.

Рука тянется к нему, но я не спешу.

– Не бойся, можешь открыть.

Мне интересно, что внутри. Я дотрагиваюсь пальцами до крышки, и на мгновение взор застилает красная пелена, а тело пронизывает резкая судорога, будто по всем нервам сразу прошла тонкая игла. Я отдёргиваю руку, пытаюсь проморгаться и смотрю на девушку рядом. Она всё так же спокойно стоит и улыбается. Я оборачиваюсь к столу. Айдар не обращает на нас совершенно никакого внимания.

Показалось.

– Всё хорошо? – уточняет хозяйка.

– Да, – киваю я. – Кажется, немного притомилась с дороги.

– Ничего, сегодня выспитесь. В юрте намного приятнее спать, чем посреди степи, верно?

Я вновь киваю и протягиваю руку к сундуку. В этот раз при прикосновении всё в порядке.

Я откидываю крышку и вижу десятки серебряных украшений с жемчугом.

– Какая красота! – восхищаюсь я. – Никогда прежде ничего подобного не видела.

Наклоняюсь, рассматривая их ближе.

Вот бы примерить.

– Можешь выбрать любое, какое хочешь. Я тебе его подарю, – вдруг говорит девушка, и я вскидываю брови от удивления.

– О, не стоит, – отвечаю я. – Вы и так предоставили нам кров и еду.

– Я настаиваю. Мой дом – мои законы. К тому же у тебя, я вижу, украшений не столь много. Разве я не могу подарить одно из них прекрасной девушке?

Кто знает причуды богатых людей? Не приму подарок – обиду затаит.

– Хорошо. Я выберу.

Она удовлетворённо кивает. Но когда я снова смотрю на украшения, вдруг вижу, что они лежат в крови. Испуганно отпрыгиваю назад и чувствую, как холодеют руки. Дыхание сразу учащается, но стараюсь не выдать этого перед хозяйкой.

– Что такое? – обеспокоенно спрашивает она.

– Айдар, – дрожащими губами зову я.

Но слышу только, как он чавкает.

– Айдар! – повторяю я чуть громче.

– Что случилось? – настаивает девушка, медленно делая шаг ближе ко мне.

Оборачиваюсь к Айдару. И кажется, что теперь я вообще не дышу: Айдар сидит, праздно трапезничает за столом, а на стенах позади него шкуры, испачканные огромными багровыми пятнами. Чувствую на языке железный привкус, а весь воздух в юрте будто становится всё тяжелее и тяжелее. Гляжу наверх – по жердям вниз стекают густые тёмно-красные струйки и капают на Айдара, на еду, которую он ест, на белоснежную скатерть.

Кровь.

Мне хочется кричать, но горло будто стягивает тугая верёвка, и всё, что я могу сделать, – попытаться ещё хотя бы раз обратиться к нему:

– Айдар. Нам нужно идти.

– Никуда вы не пойдёте.

Руки хватают меня за плечи и сжимают так сильно, что я никак не могу вырваться. Когда смотрю на эти кисти, то вместо ногтей вижу длинные золотистые когти.

Жезтырнақ.

– Кто ты такая, Инжу? – спрашивает девушка, прижимая всё сильнее к своей груди. Она касается носом моего уха, шумно втягивая воздух. – Ты пахнешь та-ак вкусно.

Грубо разворачивает меня лицом.

– На вид немного исхудалая. Даже румянца нет. Но запах... Твой друг тоже вкусно пахнет. Но ты... М-м-м...

Она снова глубоко вдыхает, начинает смеяться и кружиться, не отпуская меня.

– Не пойму, отчего мне так радостно. И не пойму, почему ты не подчиняешься мне. Мальчишку удалось склонить ещё снаружи.

Она перестаёт улыбаться и глядит мне прямо в лицо, широко раскрыв глаза.

– Подчинись мне, – приказывает жезтырнак, а я снова пытаюсь вырваться. – Подчинись мне, дрянь! Не отворачивайся!

Её звонкий голос режет слух. Она трясёт меня, её лицо совсем близко, и я замечаю, как её серые радужки становятся красными. Она сжимает плечи так сильно, что я вскрикиваю от боли.

– Надоела!

Чувствую, как бока пронзают будто кинжалами. Чувствую, как они заходят всё глубже в тело, царапая рёбра, прямо в мышцы, лёгкие, печень и желудок. И не могу вздохнуть, только хватаю губами воздух.

– Не дёргайся, – приказывает она. – Сначала поужинаю тобой, а потом примусь за твоего друга.

Жезтырнак прикрывает веки и вытягивает шею кверху. Мой взор начинает застилать тьма. Силы покидают меня. Вижу, как сосуды на её шее постепенно краснеют, набухают, наливаясь кровью. Моей кровью, что всасывают её пальцы.

Я делаю последние глупые попытки вырваться, но только больше раздражаю её, не даю наслаждаться.

– Я сказала не дёргаться!

Юрта наполняется пронзительным визгом. Она кричит мне в лицо, по моим щекам бегут слёзы. Голова идёт кругом.

Кто-нибудь! Пожалуйста! Остановите её!

Даже если я закричу, никто не услышит. Никто не придёт. Мы посреди степи. Духи оставили меня. Айдар заморожен и будет съеден точно так же.

Мои ноги подгибаются, хочется закрыть глаза.

Внезапно её вопль обрывается, а я обессиленно падаю вниз. Звон в ушах. Пытаюсь не дать векам сомкнуться. Передо мной падает окровавленное тело в странных белых одеждах с длинными широкими рукавами. А потом всё плывёт. Кто-то хватается за меня, приподнимает, слегка трясёт. Я пытаюсь разглядеть лицо, но не выходит.

Как же хочется спать...

Глава 6. Волк и лебеди

Открываю глаза и чувствую себя выпавшейся и хорошо отдохнувшей. Мне всё приснилось и я дома, в своей постели? Только юрту я не узнаю. Да и рядом никого, но снаружи слышатся приглушённые голоса. Пытаюсь привстать на локтях – рёбра и внутренности отзываются острой болью, отчего из груди вырывается стон. Я жмурюсь, но мне всё же удаётся подняться. Жду, пока тело перестанет болезненно пульсировать, и осматриваю себя и место, где нахожусь. Юрта простая и не слишком большая. В очаге тихо потрескивает огонь. Не понимаю, какое сейчас время суток. В голове вспыхивает воспоминание: окровавленный Айдар и пронзительный женский крик, от которого опять начинает звенеть в ушах. Быстро нахожу пальцами тумарша – на месте. Сжав его в кулаке, немного успокаиваюсь. Одеяло, которым я укрыта, сползает до живота, и я обнаруживаю, что моё туловище обмотано белоснежной тканью от груди до пупка. Ткань пахнет солью и какими-то травами.

– Эй! – стараюсь как можно громче сказать я, но рёбра снова начинают ныть, что заставляет меня поморщиться. – Здесь кто-нибудь есть?

Слышу приближающиеся шаги, распахивается дверь.

– Инжу! – восклицает Айдар и кидается ко мне, но когда уже почти добегает, то падает прямо лицом вниз. – Ай...

Я недоумённо поднимаю взгляд на дверь. Там стоит женщина, в руках у неё какая-то верёвка, которая тянется к ноге Айдара.

– Глупец, мы же сказали, чтобы ты её не тревожил! – шипит женщина, чуть тянет Айдара назад от меня, а потом эта верёвка самовольно отпускает его, убегает к женщине и прячется в бурдюке, пристёгнутом к её поясу.

Это была не верёвка, а вода.

Айдар стонет и пытается подняться. Женщина с бурдюком приближается, и я вижу позади неё точно такую же: лица как две капли воды. Только у женщины с бурдюком голубой шапан, а у её сестры шапан светлого песочного цвета. Я бегаю глазами то по одной, то по другой, не понимая, что происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.